

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.6

«МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» НА ПОДИУМЕ ПОСТМОДЕРНА

Богатова Лариса Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: bolami@inbox.ru

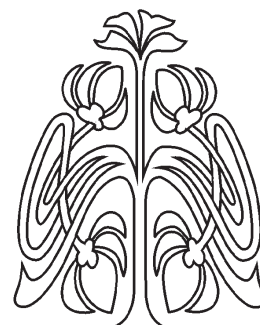
Статья посвящена социально-философскому анализу одной из актуальных проблем современных гендерных исследований – пермутации гендерного текста культуры в ситуации постмодерна. Автор выявляет основные признаки кардинальных изменений, которые претерпевают гендерные архетипы классической культуры. Особое внимание уделяется анализу широкого спектра социокультурных детерминант, которые обуславливают глубокие метаморфозы гендеров маскулинного и феминного типов. Предпринята попытка развернуть анализ процесса эмансипации в онтологическом измерении, наиболее рельефно раскрывающем деструктивный характер социального раскрепощения феминности: в онтологическом контексте эмансипация имеет подражательный характер и порождает лишь иллюзию равенства. При вторжении в чуждую маскулинную бытийность внешний облик и внутреннее содержание «женщины» невольно деформируются и претерпевают необратимые изменения, в которых усматриваются черты гендерной маскулинизации. Глубокие преобразования претерпевает в пространстве современной культуры и «мужчина», в полной мере вовлеченный в происходящие гендерные метаморфозы. Развернувшийся процесс гендерной феминизации маскулинности приводит к весьма оригинальному явлению, названному «атрофией маскулинности». Рассмотрено влияние техники как одной из определяющих детерминант процесса пермутации гендерного текста культуры постмодерна.

Ключевые слова: культура, постмодерн, гендер, онтология, эмансипация, феминная и маскулинная бытийность, «мужчина», «женщина», гендерная асимметрия.

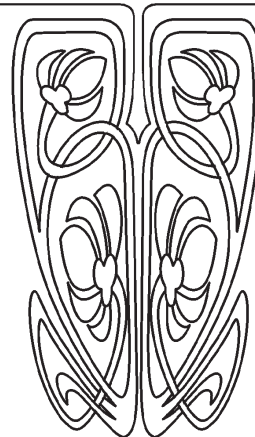
DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-251-257

Современная культура представляет собой уникальное во многих отношениях явление. Кардинальные преобразования, охватившие все сферы общественной жизни, позволяют уверенно говорить о перерождении неоклассического культурного типа в иной, принципиально новый исторический феномен, обозначенный исследователями как постмодерн. Нынешняя ситуация характеризуется непрерывным нарастанием хаотичности, многообразием форм и способов организации общественной жизни, сменой устоявшихся демаркаций в расстановке социальных сил, стиранием традиционно закрепленных различий, нивелированием любых жестко заданных бинарных оппозиций. Культура постмодерна провозгласила неопределенную многоликость, бесструктурность, доходящую до крайних степеней социальной аморфности.

В водоворот происходящих перемен, по сути дела, оказались втянуты все общественные сферы, постепенно погружающиеся в состояние социокультурной мутации. Не осталась в стороне и область гендерных, полоролевых отношений. Более того, именно в ней в настоящее время происходят наиболее радикальные, глубокие изменения. Во многом они связаны с коренным переосмыслением положения женщины в обществе, которая вышла из тени и исполняет вполне самостоятельную роль в истории.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

XX в. – это время исторического реванша женщины за «всемирно-историческое поражение» [1, с. 60], которое она потерпела в древности. На протяжении тысячелетней истории патриархата женщина находилась в зависимом, подчиненном положении от мужчины, который занимал доминирующие позиции в структуре общественных и, соответственно, семейно-брачных отношений. Долгое время она была «закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [1, с. 60]. Процессы эмансипации и феминизации, стремительно развернувшиеся в начале прошлого века, кардинально изменили соотношение гендерных сил. В ходе напряженных социальных противостояний женщина добилась равноправия с мужчиной. Получив всю полноту экономических, политических, юридических и прочих прав и свобод, она наконец-то стала самостоятельной, независимой, образованной, что позволило ей активно участвовать в общественной жизни, строить карьеру и т. д.

Однако несмотря на бесспорные позитивные достижения, связанные с изменением феминных позиций в пространстве современной культуры, следует отметить, что процесс эмансипации в контексте философского анализа далеко неоднозначен. Он намного объемнее, сложнее и внутренне противоречивее, чем это видится некоторым представительницам интеллектуального феминизма, которые с неиссякаемой энергией ратуют за утверждение абсолютного равенства между мужчиной и женщиной и остро реагируют на малейшую дискриминацию по половому признаку, доходя порой до абсурда. Так, феминистское движение Испании организовало масштабную акцию протеста против изображения на дорожных знаках и светофорах символа пешехода, в котором феминисты усмотрели не абстрактного человека, а мужчину, с чем связали ущемление прав переходящих дорогу женщин. Идея была подхвачена шведскими борцами за женское равноправие. В США и ряде западноевропейских стран приняты весьма жесткие законы, призванные защищать права женщин. В соответствии с некоторыми их положениями легкий флирт или неосторожное прикосновение могут расцениваться как сексуальное домогательство и повлечь строгие санкции.

При всей внешней привлекательности и впечатляющих успехах эмансипация, по нашему мнению, представляет собой глубоко трагический процесс. Еще в конце XIX и на заре XX в., когда социальное раскрепощение женщины не приобрело столь масштабных и демонстративных форм, многие известные мыслители (Э. Фромм, Н. А. Бердяев и др.) предостерегали от печаль-

ных последствий для существования культуры, какими может обернуться, если перефразировать слова Ф. Ницше, превращение женщины в приказчика [2, с. 356]. В этом отношении заслуживает внимания подход, при котором эмансипация как своеобразный социокультурный процесс рассматривается на высшем теоретическом уровне, поскольку только в онтологическом измерении высвечивается фатальный, апокалипсический характер данного феномена.

Следует отметить, что онтологическое изучение асимметричной композиции культуры, а также анализ реструктуризации гендерных диспозиций, несмотря на актуальность и практическую значимость для определения тенденций и перспектив дальнейшей трансформации культуры постмодерна, до сих пор не были осуществлены. Современные российские ученые, как правило, довольствуются аналитическим материалом, представленным историко-философской традицией, восходящей к немецкой и особенно русской религиозной философии Серебряного века, в рамках которых были созданы весьма оригинальные «метафизика пола» и «философия любви». В связи с этим полагаем необходимым представить ряд соображений относительно онтологического исследования гендерных метаморфоз, спровоцированных эмансипацией, охватившей неоклассическую культуру. Автор уже обращался к данной проблеме и изложил свою позицию в ряде публикаций, в том числе монографического характера [3].

На наш взгляд, эмансипация представляет собой конкретно-исторический, динамичный процесс, своеобразное центробежное явление, которое, непрерывно разрастаясь, охватывает все новые формы и уровни организации общественного бытия. Зародившись в эпоху капитализации как составная часть классовой борьбы женщин за свои экономические и политические права, она очень быстро проникла в сферу семейно-брачных, интимно-личностных отношений между мужчиной и женщиной. Эмансипированная женщина, решительно настроенная *стать во всем такой же, как мужчина*, начала болезненно реагировать на малейшее ущемление ее прав, на любое проявление доминирования мужчины. Между тем логика онтологического анализа подводит нас к осознанию поистине трагического обстоятельства: процесс эмансипации при всей внешней привлекательности изначально задал ложную стратегию исторического движения женщины, обозначил тупиковый вектор ее самореализации в культуре: поясним, почему.

Мужчина и женщина представляют собой две невозможные друг без друга бытийные

инстанции. Как диалектические противоположности они составляют некое единое антропологическое целое, в пределах которого не только взаимопредполагают, взаимодополняют, но и взаимоотрицают друг друга. Противостояние между двумя взаимоисключающими началами – имманентное свойство бытия, его неотъемлемая атрибутивная характеристика. Отрицание противоположной бытийности объясняется многочисленными различиями в анатомии, физиологии, рационально-мыслительной и эмоционально-волевой сферах мужчины и женщины. Именно это во многом предопределило общественное разделение труда в глубокой древности и подтолкнуло к созданию сугубо антропологического пространства, каким является культура. Напомним, что гендерная асимметрия, основанная на природно-биологических различиях полов, является одним из доминирующих факторов культурогенеза: благодаря гендерной неоднородности поэтапно создавалась, выстраивалась культура. Со временем в ее пределах гендерное противостояние достигло крайней степени напряженности и привело к такому социальному катаклизму, как порабощение женщины мужчиной. Одной из форм снятия напряжения между враждующими, взаимоотрицающими сторонами стала эмансипация, призванная выровнять сложившийся социальный дисбаланс гендерных сил. Однако важно подчеркнуть, что в онтологическом отношении сформированная модель гендерного равенства губительна для феминной бытийности по ряду причин.

Во-первых, в онтологическом смысле эмансипация не дает и не может дать полного равенства между мужчиной и женщиной в качестве особых бытийных инстанций. Социальное раскрепощение женщины создает лишь иллюзию равенства, оно не проникает, если говорить в стилистике русской религиозной философии, в андрогиническую тайну человека. В этом отношении совершенно справедлива онтологическая оценка процесса эмансипации, данная Н. А. Бердяевым. Указывая на противоречивый характер стремления женщины быть во всем равной мужчине, он пишет: «Женское эмансипационное движение по существу своему – карикатурно, обезьянно-подражательно, в нем есть гермафродитическое уродство и нет красоты андрогинической. Идея женской эмансипации донныне покоилась на глубокой вражде полов, на зависти и на подражательности <...> Женщина механическим подражанием из зависти и вражды присваивает себе мужские свойства и делается духовным и физическим гермафродитом, т. е. карикатурой, лжебытием» [4, с. 199].

То, что эмансипация приобрела подражательный характер, было с самого начала предопределено объективной логикой общественного развития. Работая наравне с мужчиной, женщина стала настойчиво добиваться права *жить как мужчина*, постепенно занимая не свойственные ей ранее социальные роли и проникая в чуждое бытийное пространство. Так, она освоила традиционно мужские в прошлом профессии (врача, юриста, педагога и т. д.), существенно обогатила свой гардероб, заимствуя у мужчины и покрой, и стиль одежды; она даже приобщилась к мужским дурным привычкам – от табакокурения и употребления алкоголя до соблазнов «свободной любви». Но самое главное: произошло искажение, кардинальная смена исконно феминных ценностей, которые женщина по своему природному назначению реализовывала в браке, семье и материнстве. Тревогу вызывает исчезновение из пространств культуры постмодерна того, что многие философствующие умы называют «вечно женственным», воплощающим истинное женское бытийное начало. Современная эмансипированная женщина ведет себя буквально как мужчина: она решительна, агрессивна, целеустремленна, умеет принимать жесткие решения, откровенно сексуальна, материально независима, успешна, ориентирована на карьеру, а не на дом, семью, мужа и детей. Представленный портрет настолько узнаваем, что не требует особых комментариев, он порождает лишь один вопрос: является ли такой человек женщиной? При этом подчеркнем: внешнее подражание мужчине, к которому невольно подтолкнула женщину эмансипация, не приводит к подлинному, истинно бытийному равенству, которое в онтологическом смысле достигается лишь в пределах андрогинической целостности человека.

Во-вторых, в ситуации постмодерна проследивается возрастающее деструктивное воздействие эмансипации на феминную бытийственность. Складывается парадоксальная ситуация: на социальном уровне женщина раскрепощена и свободна, в качестве субъекта общественной практики полностью равна мужчине, но в онтологическом плане со всей очевидностью выявляются симптомы деформации феминности, ведущие к ее перерождению в качественно иное бытийное состояние. Диалектика социального раскрепощения женщины состоит в том, что ее движение вперед оборачивается приближением к концу, к некоему трагическому финалу – исчезновению женщины как противоположности мужчине. На эту тему в конце XIX в. рассуждал Ф. Ницше, который одним из первых предвидел опасность, таившуюся в плодах эмансипации.

Он писал: «Женщина вырождается. Это происходит в наши дни – не будем обманывать себя на сей счет! Всюду, где только промышленный дух одержал победу <...> женщина стремится теперь к экономической и правовой самостоятельности приказчика: “женщина в роли приказчика” стоит у врат новообразующегося общества. И в то время как она таким образом завладевает новыми правами, стремится к “господству” и выставляет женский “прогресс” на своих знаменах и флажках, с ужасающей отчетливостью происходит обратное: *женщина идет назад*» [2, с. 356].

Подобного рода заключения, несомненно, вызывающие тревогу, основаны на онтологическом анализе происходящих в культуре перемен, которые во многом спровоцированы изменением социального положения женщины. Сфера гендерных отношений в настоящее время охвачена процессами, которые в онтологическом контексте можно назвать *гендерной диффузией*: происходит *взаимопроникновение* феминной и маскулинной бытийственности, что, в конечном итоге, приводит к глубокой трансформации, сущностному перерождению как женщины, так и мужчины. В культуре постмодерна нивелируются резкие гендерные демаркации и наблюдается своеобразное движение полов навстречу друг другу. В результате на фундамент естественно-природных различий между мужчиной и женщиной надстраивается противоположная, не адекватная биологическому полу, гендерная, полоролевая структура, вследствие чего создаются гибридные формы в виде «маскулинной феминности» и, соответственно, «феминной маскулинности». Эти «гендерные кентавры» – результат процесса «деструктивного созидания», в ходе которого разрушаются гендерные архетипы классической культуры, сформированные на основе четкой бинарной оппозиции мужчины и женщины.

Необходимо отметить, что гендерная диффузия, катализируя процессы своеобразного дрейфа полоролевых позиций, все более сближая их, приводит, скорее, к деформации и искажению бытийностей, чем к гармонизации взаимоотношений. Первоначальное стремление женщины жить как мужчина трансформировалось в желание быть как мужчина. По всей видимости, еще не пришло осознание того непреложного обстоятельства, что «стать *как* мужчина» отнюдь не означает «доподлинно *быть* мужчиной». По ряду глубинных причин женщине никогда не удастся проникнуть в сущность противоположной, маскулинной бытийственности и всецело присвоить себе онтологическую самость мужчины, овладеть ею безраздельно. Она никогда не сможет занять мирозданческого места мужчины

в качестве созидательной, продуцирующей силы. Внешние изменения, основанные на подражании, создают причудливые, в определенном смысле уродливые формы, демонстрирующие перерождение женщины, в котором усматриваются явные признаки ее онтологического завершения, краха ее бытийности.

Происходящие в ситуации постмодерна гендерные трансформации – процессы обоюдные, они затрагивают как женщину, так и мужчину. Последнему также не удалось избежать ряда негативных влияний, обусловленных эмансипацией и социальными катаклизмами, сопровождающими современную культуру. Не будет преувеличением утверждать, что в онтологическом смысле мужчина претерпевает не менее глубокие гендерные метаморфозы, чем женщина, и последствия этого могут радикально отразиться на его бытийном статусе. Речь идет о набирающем динамику процессе, который можно назвать *атрофией маскулинности*.

Содержание этого нового, исторически уникального явления заключается в обозначившихся тенденциях ослабления маскулинного тона культуры постмодерна. Так, наблюдается невосребованность исконно маскулинных качеств, которые традиционно составляли социальный типаж «настоящего мужчины». Это сила, мужество, отвага, стойкость, выдержка, смелость, преданность, надежность, решительность, верность слову, делу, женщине, высокая ответственность, служение долгу и прочие морально-этические характеристики, приобретенные мужчиной под давлением конкретно-исторических обстоятельств. В нынешней социокультурной ситуации монопольное обладание подлинно маскулинными свойствами для мужчины, очевидно, заканчивается. У него появился сильный, напористый соперник в лице женщины, которая неотвратимо приближается к разрушению единоличного права мужчины быть мужчиной. Развернувшаяся маскулинизация феминности – яркое тому подтверждение. При этом необходимо указать на одно существенное обстоятельство: в пространстве современной культуры маскулинность не угасает как бытийная инстанция, а массово перемещается к новому носителю – женщине. В результате «маскулинная маскулинность» атрофируется, а «маскулинная феминность», напротив, процветает.

Трансформация маскулинности как компонента гендерной структуры обусловлена причинами различного порядка. В рамках данной статьи хотелось бы подробнее остановиться на такой детерминанте гендерных изменений, которая по странному стечению обстоятельств до сих

пор не вызвала пристального научного интереса, а именно на техническом прогрессе.

Напомним: в глубокой древности, в период появления земледелия и ремесел, физические данные выдвинули мужчину на лидирующие позиции в родовой организации, что, в конечном итоге, привело к его доминированию в обществе сначала в качестве добытчика и защитника, затем – воина и работника. Бурное развитие техники, повлекшее модернизацию процесса производства, подтолкнуло сделать первый, по сути, роковой шаг в направлении не востребоваемости той физической силы и энергии, которыми так щедро наделила мужчину природа. Технический прогресс, следуя объективной логике общественного развития, запустил механизм поэтапной атрофии маскулинных свойств. В современной культуре прослеживается тенденция непрерывного сужения пространства, в пределах которого все еще остается незаменимой естественно-природная маскулинность. Техника уравнила физические возможности мужчины и женщины, превратив физические данные во второстепенный компонент, не имеющий принципиального значения для профессиональной и общественной статусности его обладателя. Действительно, для чего нужны крепкий торс и внушительная мускулатура, например, менеджеру или финансовому аналитику?

За этим, на первый взгляд, банальным вопросом кроется глубокая проблема онтологического порядка, выводящая на так называемую метафизику тела. В ее пределах телесность рассматривается как особый антропологический экзистенциал, не безразличный к имманентной сущности или самости человека, а напротив, имеющий непосредственную связь с архитектурой его внутреннего мира и во многом определяющий эмоционально-психологические и нравственные особенности, что четко выражено в тезисе З. Фрейда: «Анатомия – это судьба» [5].

Воздействие на тело со стороны культуры человек всегда переживал болезненно и мучительно, поскольку ограничение желаний и потребностей, порожденных самой природой, как правило, сопрягалось с ограничением свободы. Культура, как скульптор, лепила, выстраивала тело человека в соответствии со сложившимися ценностными нормативами, по своему усмотрению отсекая все лишнее и ненужное.

Эволюция техники имеет самое непосредственное отношение к трансформации антропологической телесности. Изменяя образ жизни человека, делая его существование более комфортным, технический прогресс приводит к не востребоваемости не только физических данных мужчины, но и его эмоционально-волевых,

морально-этических характеристик. Новые изобретения, будь то паровая машина или компьютер, постепенно поглощают, разрушают и тело, и душу своего создателя – мужчины. Иными словами, они инициируют синергичный по внутреннему содержанию процесс онтологического саморазрушения мужчины. Анализ происходящих с маскулинной телесностью пертурбаций, вызванных далеко не в последнюю очередь техническим развитием, позволяет заключить: видоизменяясь внешне, мужчина радикально преобразуется внутренне.

Стремление мужчины сохранить, укоренить свою мужественную телесность предельно важно, поскольку разрушение тела, его онтологическое исчезновение чревато завершением «себя» как бытийной единицы. Подсознательное мужское желание стабилизировать и воспроизвести свой онтологический бытийный статус в исторически сложившихся конфигурациях спровоцировало, в частности, такое неоднозначное явление постмодерна, как бодицентризм.

Популярность фитнес-культуры и бодибилдинговых тренировок, казалось бы, отражает заботу людей о состоянии собственного тела. Правда, активные манипуляции с телом, от изнурения на тренажерах до коррекции методами пластической хирургии, ведут не столько к его оздоровлению, сколько к созданию некоей искусственной телесности – симулякра. Телесный симулякр представляет собой мнимую сущность, не находящую применения по своему прямому назначению в реальности. Накачанные мышцы – не для силы, женская грудь из силикона – не для кормления ребенка, это некие фантомы телесности, которые выполняют роль внешних маркеров в демаркации все еще сохраняющихся гендерных различий. Тем не менее стремление мужчины придать своему телу рельефные маскулинные конфигурации, хотя и не на полях сражений, а в тренажерном зале, в определенной степени оказывает благоприятное воздействие на консервацию и тиражирование признаков мужественности.

Другим фактором, препятствующим сохранению маскулинной бытийности, является процесс феминизации маскулинности, который наряду с маскулинизацией феминности, о чем речь шла выше, в полном соответствии с диалектической методологией непрерывно набирает силу. Выхолащивание из нормативов современной культуры свойств, системное взаимодействие которых порождает феномен мужественности, приводит к глубокой реструктуризации гендера маскулинного типа: в его композиции все более явно просматриваются очертания феминности.

Гендерная трансформация маскулинности охватила различные сферы общественной жизни – от материально-производственной и профессиональной до межличностной и семейно-брачной. Например, в настоящее время наблюдается процесс своеобразной профессиональной гендерной миграции: женщины активно осваивают традиционно мужские специальности, а мужчины – женские. Самореализация современного мужчины порой осуществляется через весьма неожиданный род занятий: мужчины-визажисты, стилисты, косметологи, модельеры, маникюристы, продавцы-консультанты в магазине женской одежды и т.д. Молодые (и не только) мужчины активно осваивают стиль и аксессуары женской моды – от парфюма, мелирования и эпиляции до серег, браслетов и пирсинга. Этот процесс породил нового персонажа постмодерна – метросексуала, для которого характерно пристрастное, не свойственное мужчине в прежние исторические эпохи отношение к собственному внешнему виду.

Помимо наличия внешних, ярко выраженных признаков гендерной феминизации маскулинности, происходит ослабление позиций мужчины в сфере семейно-брачных отношений, что для состояния культуры даже более болезненно. Так, наметилась тенденция разрушения традиционной патриархальной семьи и укрепления семьи эгалитарной, основанной на материально-экономическом и бытовом равенстве супругов. Для социальной статусности мужчины существенно снизилась значимость ролей мужа и отца. Временное сожителство (конкубинат), гостевой брак, пассивное отцовство («воскресный папа») – это все симптомы разрушения патриархальной семейной композиции и, соответственно, признаки завершения гендерного лидерства мужчины в институтах брака и семьи. Даже в сфере интимных отношений раскрепощенная сексуальной революцией женщина перехватывает инициативу, и теперь уже мужчина становится, если перефразировать слова Ф. Энгельса, рабом ее желаний [1, с. 60].

Итак, происходящие перемены в гендерной сфере постмодерна настолько глубоки и радикальны, что правомерно вести речь о пермутации гендерного текста культуры. Смена феминных и маскулинных гендерных диспозиций, своеобразный дрейф полоролевых структур, которые

не только сближаются, но и взаимопроникают, меняются местами, – все это создает беспрецедентную социокультурную ситуацию: мужчина и женщина становятся одинаковыми.

Нарастание гендерной однородности, превращение мужчины и женщины в некую среднеарифметическую единицу, по нашему мнению, могут иметь для культуры поистине катастрофические последствия. Гендерная одинаковость ведет к социальной эрозии таких общественно значимых институтов, как брак, семья, отцовство и материнство, она негативно отражается на эмоционально-психологических, сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной, кардинально переворачивая традиционные представления о сущности половой любви. Об этом в свое время предупреждал Э. Фромм, когда писал: «Полярность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основывающаяся на этой полярности. Мужчины и женщины делаются одинаковыми, а не равными как противоположные полюса. Современное общество проповедует такой идеал обезличенного равенства, поскольку нуждается в человеческих атомах, не отличающихся друг от друга, чтобы заставить их функционировать в массовых скоплениях гладко и без трения» [6, с. 33]. В этом отношении все прежние гендерные драмы на подмостках постмодерна могут обернуться величайшей трагедией с весьма печальным финалом – онтологическим завершением ее персонажей.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 23–178.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 238–406.
3. Богатова Л. М. Эмансипация : finita la femina? (Опыт социально-философского исследования). Казань, 2009. 90 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 37–341.
5. Фрейд З. Об унижении любовной жизни // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 1989. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fr_O/06.php (дата обращения: 23.04.2017).
6. Фромм Э. Искусство любить. М., 2016. 224 с.

Образец для цитирования:

Богатова Л. М. «Мужчина» и «женщина» на подиуме постмодерна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 251–257. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-251-257.

«Man» and «Woman» on the Podium Postmodern

Larisa M. Bogatova

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: bolami@inbox.ru

Article is devoted social philosophically to the analysis of one of actual problems of modern gender researches – permutation of the gender text of culture in a postmodern situation. The author reveals the main signs of cardinal changes which undergo gender very types of classical culture. The special attention in article is paid to the analysis of a wide range sociocultural a determinant which cause deep metamorphoses of genders of masculine and feminine type. In article an attempt to develop the analysis of process of emancipation in ontologic measurement in which destructive nature of social liberation of femininity most boldly reveals is made. The author defends a position that in an ontologic context the emancipation has imitative character and generates only equality illusion. At invasion into an alien masculine bytynost, appearance and internal keeping of «woman» are involuntarily deformed and undergo irreversible changes in which lines of a gender masculinization are seen. Fruitful the author's reasonings on deep transformations which are undergone in space of modern culture by «man» who is fully involved in the occurring gender metamorphosis are represented. The developed process of gender feminization of a masculinost leads to very original phenomenon which the author designates as «a masculinost atrophy». In article the attention to influence of equipment which is regarded as one of defining a determinant of process of a permutation of the gender text of culture of a postmodern is focused.

Key words: culture, postmodern, gender, «man», «woman», ontology, emancipation feminine and masculine bytynost, gender asymmetry.

References

1. Engels F. *The origin of the family, private property and the state*. New York, 1933. 158 p. (Russ. ed.: Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. Marks K., Engels F. *Soch.*: v 30 t. Moscow, 1961, vol. 21, pp. 23–178).
2. Nietzsche F. *Beyond Good and Evil*. New York, 2002. 193 p. (Russ.ed.: Nitsche F. Po tu storonu dobra i zla. *Soch.*: v 2 t. Moscow, 1990, vol. 2, pp. 238–406).
3. Bogatova L. M. *Emansipatsiya: finita la femina? (Opyt sotsialno-filosofskogo issledovaniya)* [Emancipation: finita la femina? {Experience of social and philosophical research}]. Kazan, 2009. 90 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. A. Smysl tvorchestva [The meaning of the creative act]. Berdyaev N. A. *Filosofija tvorchestva, kultury i iskusstva*: v 2 t. [Philosophy of creativity, culture and art: in 2 vol.]. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 37–341 (in Russian).
5. Freud Z. *Three contributions to the sexual theory*. New York, 1910. 92 p. (Russ. ed.: Freyd Z. Ob unizhenii lyubovnoy zhizni. Freud Z. *Ocherki po psikhologii seksualnosti*. Moscow, 1989. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fr_O/06.php, 6 (accessed 23 April 2017).
6. Fromm E. *The art of loving*. London, 1995. 104 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Iskusstvo lyubit*. Moscow, 2016. 224 p.).

Cite this article as:

Bogatova L. M. «Man» and «Woman» on the Podium Postmodern. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 251–257. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-251-257.
